

...И тут я понял: за союз Есенин в поле не ходил, не селял, не жал. Он не крестьянин, он выходец из крестьянской среды, изгой. Труд, поэзия труда ему были совершенно чужды. В том основная причина его душевного и физического надлома. Идеал общества, построенного на совместном, радостном, созидающем труде, ничего не говорил ни уму его, ни сердцу... И единственный раз, когда он заговорил о жатве, о молотьбе — о самом желанном, самом святом для крестьянства труде — сбore урожая, — этот труд воспринимается Есениным как проклятье, как преступное деяние:

«Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей...»

Только в последний год своей жизни он осознал свой долг перед темой труда и в двух стихотворениях: «Каждый труд благослови, удача!» и «Я иду долиной. На затыке кепи» — сказал об этом полным голосом.

Кончилось детство, начинаются отчество, юность, и Есенин попадает из зажиточного дедовского дома на изживание к отцу в Москве. Он готовится в Учителский Институт, но бросает на попуть учебу. К общественным наукам он проявлял полное равнодушие. Уже в 1919 году, когда при нем возникали беседы на политические темы, он сидел с лицом, на котором ясно было написано: «Эсеры, эдаки... у нас, на луне, мы про это и не слыхали...» «Ни при какой погоде» он книг на политические темы не читал.

Учителями его были замоскворечские улицы. Вот здесь он живет, растет, воспитывается. Дух Замоскворечья начался 900 годов... Помесь мещанства и мелкокупечества. Торгашество и скопидомство, стяжательство и мотовство. Идеал молодого купчика — уличный герой, хулиган, ловкий вор и мошенник. Там он расстался со своей детской наивной верой в бога и святых:

«Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе...»

Но больше ничему его не научило Замоскворечье.

Освежающая буря 1905 года пронеслась мимо него: ему было тогда 10 лет. И отроческие его годы совпали с годами мрачной реакции. Эти черные годы, да еще пропитанные специфическим замоскворечским духом, формировали тогда его душевный строй, его юношеское сознание.

Обнаруженная недавно переписка его с другом по Спас-Клепиковской школе Григорием Панфиловым говорит о некоторых революционных настроениях Есенина, появившихся у него в связи с вступлением в Суриковский Литературный кружок и с работой корректором в типографии, но это были только настроения. Ясно осознанной политической линии у него в то время не было.

Какие могли быть у него идеалы, кроме идеалов улицы:

«Если не был бы я поэтом,
То, наверное, был мошенник и вор.»

Величайшим подвигом для него, истинным геройством, стоившим ему огромного напряжения духовных сил — был его скачок в купель февральской революции. Он включился в нее, он нашел в себе сочувственную нотку. Это «Иония», «Иорданская голубица», «Отарь», «Товарищ», «Певучий зов». Тут же сказалось влияние революционного Петрограда, где его застали февральские дни. Конечно, все эти февральские розовые краски политически наивны, густо смешаны с мистико-религиозными цветами, но все же они — преодоленный замоскворечий дух. Но их и хватило только на 8 месяцев — от февраля до октября...

Он после Октября не повернулся назад — «к старому возврату больше нет», он шел, прихрамывая, вперед. Трудно шагать в ногу с Октябрем, неся на себе такую тяжелую религиозно-монашескую замоскворечью ношу. Вот с этим тяжайшим грузом на плечах он «догонял стальную рать». И, конечно, он свалился бы на первом же шагу, если бы не песенный дар. Он знал:

«Миру нужно песенное слово
Петь по-своему...»

И он пел — искренне, правдиво. Он так «рубцевал себя по нежной коже», так честно, перед всем народом, как на исповеди, раскрывал все, что в его душе было темного и светлого, что заслужил любовь и всепрощение.

Вот, если мы в свете его подлинной биографии, говорящей об исключительно тяжелом в моральном отношении детстве, проведенном в атмосфере лицемерно-хан-

жеского монашества и церковности, о столь же нездоровом отрочестве, вне спасительного влияния труда и учебы, на улицах купеческо-мещанского Замоскворечья, если мы в этом свете подойдем к его творческому пути, нам Есенин и его поэтическое наследство предстанут по-новому, по-иному. Мы будем поражены титанической силой его природного дара, преодолевшего столько преград на пути к достижению высшей формы человеческого общения на земле — всепокоряющего песенного слова. И в этом слове сказалась такая безмерная любовь к нашей родной земле, к человеку на этой земле, к каждой травке, и каждой былинке на ней, что этого источника любви и преданности Родине хватит на много-много поколений.

* * *

Одно время нравилась ему в Батуме «Мисс Оль», как он сам ее окрестил. С его легкой руки это прозвище упрочилось за нее. Это была девушка лет 18-ти, внешним

окончательно. След о ней остался в стихотворении Есенина:

«Ты меня не любишь, не жалеешь...
Разве я немного не красива?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустишь.

Молодая, с чувственным осколком,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, сколько ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня...»

* * *

В Батуме в это время подвизалась труппа «Свободного балета» из Москвы. Мы, естественно, усердно посещали балетные вечера и подружились с руководителем студии балетмейстером Лукиным Л. И.

Литературные новости - 1992. Сентябрь (111)

Лев ПОВИЦКИЙ

Сергей Есенин

В ЖИЗНИ

И ТВОРЧЕСТВЕ

(Начало в №№ 3 — 5, 9)

Когда студия собралась обратно в Москву, местный руководитель «Красного Полумесца» в помещении которого происходили балетные выступления, дал в честь уезжающей студии банкет. Банкет был закрытого типа, и на нем присутствовали только артисты студии и руководители «Красного Полумесца». Из посторонних лиц были лишь Есенин и я. Банкет проходил в обычных тонах: пили в честь солнечного Аджаристана, за здоровье молодых балетных девушек и юноши, за гостя-поэта из Москвы. Есенин был оживлен, весел, доволен.

Вдруг стук в дверь. Входит молодой русский инженер и, обращаясь к хозяину помещения, руководителю «Красного Полумесца», говорит:

— Я и мои друзья — они стоят здесь за дверью — узнали, что у Вас банкет в честь прекрасных артистов балета. Разрешите мне и моим друзьям присоединиться к чаепитию артистов студии, которых мы очень уважаем.

Сын Аджаристана со своим сыном Востока гостеприимством, широким жестом пригласил молодого инженера к столу. За инженером ввалилась ватага его коллег с бутылками вина в руках. Уселись за стол, и компания непрошенных гостей подала себя довольно непринужденно.

Есенин нахмурился. Злыми глазами он оглядел пришельцев и остановил пристальный взгляд на одном, очень бойком с виду сотрапезнике. Тот громко, на весь стол, рассказывал какие-то местные небылицы и пил усердно, звонко чокаясь со всеми.

Есенин со всего размаха стукнул стаканом по бокалу гости, вино облито тому костюм. Инженер сделал вид, что не обращает на это внимания, и продолжал оживленный разговор. Есенин стал задевать его обидными замечаниями. Гость разозлился и также позволил себе резкость.

Есенин вскочил и сунул правую руку в карман. Это был его обычный прием, ничем не опасный для противника; оружия у него в кармане не было. Но этот прием помогал ему «на швабов ужас наводить». Инженер, боясь, что Есенин поблез в карман за оружием, скатился со стола пустую бутылку и размазнулся ею. Но его опередил наш гостеприимный хозяин: тяжелой рукояткой своего револьвера он хватил инженера по голове. Тот упал, обливаясь кровью.

Конечно, банкет наш рассстроился. Товарищи инженера взяли на руки пострадавшего и вынесли его из комнаты. Вызвали «скорую помощь», инженера увезли в больницу. Есенин стоял у стола с видом огорченного, но ни в чем неповинного человека. Я укоризненно взглянул на него. Он произнес:

— Лёв Осипович, ты же видел, я его не тронул...

Финал этого происшествия был «обычно-есенинский». Недели через две инженер выздоровел и появился вечером в ресторане. Есенин его увидел и порывисто бросился к нему. После очень короткого объяснения я их увидел крепко целующимися и дружно чокающимися бокалами. Разве можно устоять против есенинской ласки?

* * *

В тот период мы не раз говорили, спорили о футуризме, со своей имажинистской школой он уже открыто распрошлся и заявил об этом в печати. Футуризм Есенин осуждал, как одно из формалистических течений.

В Батум приехали футуристы, футуристы 2-го разряда. Поэты они были слабые, но шум подняли большой. Есенин был раздражен:

— Надо их гнать в шею! Что они пугают честной народ!

Мы сообща решили устроить суд над футуристами. Мы составили обвинительный акт и опубликовали его в «Городовом Батуме». Газета сообщила, что литературный суд, на основании этого обвинительного акта, состоится в местном театре.

К чести обвиняемых, они на суд явились. Зал был переполнен представителями советской общественности и учащимися. Избрали тут же состав суда, назвали прокурора, прочли обвинительный акт. Защищаться «подсудимые» пожелали сами.

В самый разгар «пренебрежения» в зале появился Есенин. По договоренности со мной, он должен был выступить вторым обвинителем, подвергнувшись суповой критике произведения приезжих гастролеров, зачитанные ими на шумном вечере. Но... Есенин был пьян. Он с трудом держался на ногах. Он подошел к сцене, где помещался суд, и обратился громко ко мне:

— Лёв Осипович! Да пошли их все на... Что ты связался с этой дрянью!

Публика, собравшаяся из интереса к судьбам советской литературы, недовольно реагировала на эту пьяную выходку. Мне пришло сойти со сцены и уговорить Есенина оставить зал. Это мне удалось с большим трудом. Мы потеряли случай услышать суждение Есенина о футуризме.

Вернувшись поздно ночью домой, я его застал в состоянии тяжелого опьянения. Он бормотал что-то несвязное.

* * *

Частенько он чудачил. Вот случай из множества подобных.

Приморский бульвар. Солнечно, тепло, хотя декабрь на дворе. Бульвар полон гуляющих. Появляется Есенин. Он навеселе. Прищуренно оглядывает публику и замечает двух молодых женщин, сидящих на скамейке. Он направляется к ним, по пути останавливает мальчика — чистильщика сапог, дает ему монету и берет у него сапожный ящик со всеми его атрибутами. С ящиком на плечах он останавливается перед дамами на скамейке, затем опускается на одно колено:

— Разрешите мне, сударыни, почистить Вам туфли!

Женщины, зная, что перед ними Есенин, смущены и отказываются.

Есенин настаивает. Собираются любопытные, знакомые пытаются увести его от скамейки, но безуспешно. Он обязательно хочет почистить туфли этим прекрасным дамам...

Я был в это время на другом конце бульвара. Мне сообщили о случившемся. Я подошел и увидел его стоящим на коленях. Толпа любопытных росла.

(Окончание следует.)